

Тишка (2 глава)

Ника Ракитина

В самой середине дремучей, а потому совершенно непроходимой чащи, на острове посреди черного-пречерного озера жил в глубокой норе злой колдун Обрыдалис. Жил он в норе, потому что денег на замок у него не было. И строить он не умел. Разве что козни. Вообще ничего хорошего этот колдун не умел, а Обрыдалисом его звали не оттого, что он очень любил плакать, а оттого, что колдун всем обрыднул, то есть, надоел. Вот и жил он на своем острове один одинешенек. Пока не украл принцессу.

— Вот теперь-то я позабавлюсь, — думал колдун, потирая лапки. — Как рванут сюда все окрестные принцы! А я стану превращать их в пауков и лягушек. Ой, нет, в лягушек, кажется, превращают принцесс?

Тут Обрыдалис глубоко задумался. Он был не очень образованный. К тому же принцесса хотела есть, пить, красные бантики и платье в зеленый горошек. Ну какой же нормальный злой колдун такое выдержит? Окончательно одурев от разнообразных принцессиних желаний, колдун взял да и заколдовал ее. Он мечтал, что принцесса будет лежать в хрустальном гробу, спящая, молчаливая, а потому красивая очень! Но ошибся в заклинании. И, вместо спящей, получилась просто сонная красавица. И характер у нее сделался невозможным. Все ей мешали выспаться: муравьи кусались, когда она пробовала улечься на муравейник; малиновка пела прямо в ухо, лягушки квакали... И потому принцесса день и ночь бродила по всему острову сердитая и сонная, закрыв глаза и вытянув руки перед собой, чтобы не удариться. Волосы ее перепутались, в них насыпались листики и прочий лесной мусор, подол ночной рубашки промок, когда девушка со сна забрела в озеро, а потом еще испачкался травой. Честное слово, волшебник просто опасался теперь к ней подходить. И если бы явился какой-нибудь спаситель, Обрыдалис бы только вздохнул с облегчением. Но принцы почему-то не приплывали. В век техники с принцами всегда проблемы.

— Не буду я есть манку! — несмотря на закрытые глаза, принцесса ловко оттолкнула ложку, и комок каши угодил в мордочку кухарке-барсучихе. Барсучиха надулась и оскалила зубы, но, поскольку принцесса этого не видела, то не испугалась.

— А что будешь? — пропыхтела в сердцах кухарка.

— Булочку с марципанами, эклеры, мороженое и апельсин.

Барсучиха хлопнула глазками и уронила в траву и ложку, и тарелку с кашей, которой пробовала накормить принцессу на ходу. Барсучиха считала, что ей очень не повезло в жизни. На весь каменистый остров одна-единственная подходящая нора, и ту занял злой волшебник. Уж лучше бы лис! Лиса можно прогнать, а нору вычистить — все барсуки ужасные чистюли. С острова не удерешь. Вот и приходится мучиться, служить злодею. А кухарка, с точки зрения барсука, была очень симпатичная — с круглыми, как смородина, глазками, черной полоской вдоль спины, лоснящейся шерстью... И упитанной, как и положено любому барсуку ближе к осени. Да, немножко нелюдимой. Но это общее свойство барсучьего характера.

Барсучиха сердито разгладила красненький, в оборках, передник, испорченный налипшей кашей. Стирать, стирать немедленно! А колдун пусть сам капризулю кормит... этими, как их, марсепанами. Кухарка слизнула с ближайшего пня гусеницу и совершенно утешилась.

А между тем спасители были уже совсем близко.

Третий день плыли Тишка и его верная команда на плоту с гордым именем Манул по тихой и певучей лесной речке, впадавшей в то самое озеро, посреди которого на мрачном острове томилась похищенная принцесса. Плот помог соорудить бобер Гаврилыч: резцами аккуратно и быстро отгрыз и ошкурил ольховое бревнышко, разделил на части, связал сплетенными из стеблей крапивы канатами, установил мачту и столкнул плот на воду. Колючка и Пинька позаботились о парусе — его тоже сплели из травы и покрасили в черный цвет. Краску сварили из сажи и дубовых яблочек. Тишка же, когда краска засохла, нарисовал поверху мелом череп и скрещенные косточки — самый пиратский рисунок! Ну и придумал плоту название. Манул — это большой и очень красивый степной кот, совершенно неприручаемый. Тишке, особенно, после того, как котенок рассорился с Бориской и бабушкой, тоже хотелось быть таким — диким и свирепым. Под настроение.

Против названия не спорили. Гаврилыч выкусал его на бревнах и распрощался с приятелями. Его уговаривали плыть тоже, но бобер отказался: ему надо было чинить запруды и готовить запасы на зиму.

Плавание проходило спокойно. Речка неспешно катила свои коричневые от торфа неглубокие струи среди лопухов и папоротника, дававших густую тень, мимо зреющих на кустах малины и ежевики. На привалах сладкоежка Колючка успевал набрать и наесться ягод, котенок их тоже попробовал, и ягоды ему не понравились, а по ночам он все чаще видел во сне блюдечко со сметаной. С этим надо было что-то делать. А то так и не заметишь, как умрешь голодной смертью! Тишка посмотрел на воду. Спасение плавало там, внутри. Но от одной мысли, чтобы туда залезть, — ну, пусть не целиком, а хотя бы лапой! — по котенку стадами начинали бегать мурашки. Нормальная рыба жила в холодильнике. Назвалась она филе сельди или минтай свежемороженный. Никаких тебе плавников, чешуи и голов с острыми зубами. Вцепляйся себе и ешь с урчанием, возя по всей кухне. Главное, чтобы бабушка не заметила. А в речке плавала неправильная рыба: мокрая, скользкая и очень опасная. И еще Тишка боялся утонуть. Стыдно бояться воды пирату. Но если в детстве кого искупают в глубокой и холодной луже, лезть в воду ему вряд ли захочется. Говорят правда, где-то живут такие кошки, что отлично плавают и ловят рыбу, мало того, это им нравится! Но Тишка... Тишка был совсем другое дело.

Котенок задумчиво пожевал свалившиеся на плот ольховые шишечки (они оказались горькие и ужасно противные), выплюнул в воду. Немедленно оттуда высунулась рыбья голова — вкусненького хотела!

— Послушай, боцман! — обратился котенок к ежику. — А вот, ну, когда мы найдем и спасем принцессу, что ты станешь с ней делать?

— Как что? — не задумался Колючка. — Женюсь, конечно.

Тишка широко зевнул:

— Не-а. Она в твой домик не поместится.

— Почему не поместится?! — Колючка так резко переложил руль, что плот подскочил на волне. Рыбья голова спряталась.

— Потому что она девочка. Или еще больше... даже, — охотно пояснил капитан.

— Это она, пока заколдованная, девочка. А так будет ежиха. Станет мне варенье вари-ить... — Колючка мечтательно закатил глаза.

— А если не захочет варить? Если захочет, чтобы ты в принца превратился, сидел в золотой короне...

— Скучно.

— Что скучно?

— Сидеть скучно. А принцы сидеть обязаны?

Тишка зажмурил хитрые зеленые глазищи:

— Обязаны!

Ежик обиженно засопел.

— Но при этом они могут ловить рыбу. Так что давай, тренируйся.

— Есть, капитан!

И счастливый Колючка стал разворачивать плот к кустам растущего над рекой орешника.

Ничто не предвещало катастрофы. Пинька дремал на мачте, укрывшись большим листом лопуха; Тишка умывался после сытного обеда, а трудолюбивый Колючка начищал песком и без того блестящий котелок, как вдруг — трах! бах! — плот с разгона налетел на препятствие, завертелся и уже окончательно врезался в берег.

Пересчитав синяки и шишки, выудив утопленный котелок и спустив ненужный пока парус, огорченные путешественники разглядели перегородившую реку ржавую цепь и табличку на ней с кривыми черными буквами и черепом — как на пиратском стяге или столбе с электричеством. Владения колдуна. Не входить. Не стучать, — громко прочел Тишка.

— А мы и не будем стучать, — объявил Пинька, проныривая под цепью, как знаменитый летчик Чкалов под мостом. (К счастью, мышонок этого не знал, а то возгордился бы неимоверно) — И входить не будем. Мы влетим! Прочти еще раз, пожалуйста. А вдруг там сказано, что влетать тоже нельзя...

— Про это не сказано, — успокоил мыша капитан. — Давай, вылетай обратно. Будем плот отцеплять.

Общими усилиями они выпутали Манул из подмытых водою сосновых корней и столкнули на воду.

Над черным-пречерным озером сверкали ярко-голубые молнии. Они заставляли вскипать воду, и не барашки, а злобные всклокоченные бараны с шипением обрушивались на берег. Камни одинокого острова дрожали и ежились под проливным дождем, ветер завывал, гремел гром, и несчастная барсучиха в норе изо всех сил забивалась в подстилку из мягкой травы и затыкала лапками уши: ей снилось, что злой колдун ворвался на кухню и пинает по полу ее драгоценные медные кастрюли и кофейники. Колдуну приходилось не лучше. Обрыдалис пытался строить козни, но они никак не строились, а разбегались по углам и оттуда сверкали злыми красными глазами. От немедленной смерти спасло только то, что он успел накрошить по спальне сырные крошки, а сам забился под одеяло и трепетал, слушая, как ветер пробует раскидать на кирпичики печную трубу. Бедная сонная принцесса под кустом ежевики громко чихала, когда дождевые капли падали ей за шиворот. А случалось это каждую минуту.

Манул так и швыряло на волнах: то опускало на самое дно, то подкидывало до неба, и Тишка боялся, что молния обожжет ему нос. Даже прикрыть его нельзя было! Приходилось цепляться и зубами и лапами за скользкие бревнышки. Все припасы давно смыло, но моряки держались изо всех сил. Наконец особенно злой баран подхватил плот за гривком и бросил на камни. Раздался хруст...

— Пйипыли, — пробормотал Тишка, пробуя выплюнуть кашу из водорослей и воды. Он чувствовал себя ужасно мокрым и несчастным. И почему у пиратов такая вредная профессия?

Буря заканчивалась. Гром уже не гремел, а только тихо ворчал в ленивых сонных тучах, потом тучи не торопясь разошлись, и наступило утро. Путешественники без сил лежали на каменистой косе, и солнце сушило их промокшие шубки. Все косточки болели. Тишка думал, что никогда больше не сумеет пошевелиться. Но когда из ежевики на берегу выломилась с ужасным хрустом лохматая, сонная, перемазанная ягодами великанша, капитан вскочил и отважно крикнул:

— Бежим!!

Одним прыжком оказался Тишка на березе. Мышонок плюхнулся в развилку ветвей повыше, а Колючка в ямке под корнями скрутился в клубок. Какое-то время они почти не дышали.

— О-ох! — выдохнул котенок, съезжая с дерева. — Оно за нами не гонится?

Путешественники прислушались и принялись. Погони, кажется, не было.

Пинька разлегся в траве, дернул носом:

— А правда, я храбрый? А оно как выскочит! А я его правой лапой, левой...

Тишка сердито цапнул мыша за крыло.

Экспедиция становилась опасной. Очень опасной.

— Нам надо отыскать укрытие, — строгим голосом сказал Тишка. — Во всяком случае, я не собираюсь без должной разведки бросаться в пасть колдуну.

— Без — чего? — переспросил Пинька.

— Ну, это ты сначала отыскиваешь место, где много мошек, а потом их ешь.

— А где мы их будем искать?

Котенок оглянулся. Он подозревал, что враг таится в кусте крушины поблизости и несомненно подслушивает! Нельзя было допустить, чтобы Пинька выболтал их планы.

— Ты что, забыл, что ты попугай?

Забыл, конечно. Но мышонок не собирался в этом сознаваться. Он усиленно помотал головой.

— Тогда кричи, что должен. Только шепотом. А ты... — и капитан зашептал на ухо Колючке. Ежик послушно исчез в траве.

Он вернулся совсем скоро и гордо доложил:

— Есть.

И показал лапкой в густые и страшно колючие заросли малины. Делать было нечего. Тишка последовал за ним.

— Долго еще кричать? — спросил в спину Пинька.

— А ты кричал? Почему я не слышал?

— Ну ты же сказал кричать шепотом.

Глазки Пиньки весело сверкнули.

— А-а... теперь тихо.

В самой гуще кустов была дыра. Дыра — это нора, — подумал Тишка, — а нора — это... И вовсе не кролик, как утверждал Винни-Пух. Это был вход в жилище злого волшебника. Запасной. Но путешественники смело нырнули в него, не догадываясь об этом.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Тишка (2 глава)" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)